

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-812-819

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор 25 кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ЧАЙНИКОВА Анастасия Олеговна,
курсант 3-го курса,
факультет подготовки следователей,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САНКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, УСТАНОВЛИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОМБАТАНТОВ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ ОДКБ

Аннотация. Вопросы уголовной ответственности комбатантов приобретают особую значимость в условиях военно-политической интеграции государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. Актуальность исследования обусловлена формированием ими единого правового пространства. Проблематика заключается, в том числе и в отсутствии единых стандартов установления наказания за военные преступления в санкциях соответствующих норм уголовных законов шести государств, которые, имплементируя нормы международного гуманитарного права, демонстрируют существенные диспропорции, что нарушает принцип справедливости и создает риски искусственного изменения подследственности при определении юрисдикции. Авторы вводят в оборот верифицированный массив данных о санкциях за военные преступления комбатантов, предусмотренных уголовными кодексами Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, а также приходят к выводу о целесообразности применения комбинированной (смешанной) модели гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ.

Ключевые слова: ОДКБ, комбатант, военные преступления, санкция нормы, гармонизация, уголовный закон.

SHESTAK V.A.,
Professor of the 25th Department
(Military Administration, administrative and financial law)
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Doctor of Juridical Science, Moscow

CHAIKNIKOVA A.O.,
3rd year cadet,
Faculty of Investigator Training,
A. Ya. Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE SANCTIONS OF THE CRIMINAL LAW NORMS ESTABLISHING RESPONSIBILITY FOR THE WAR CRIMES OF COMBATANTS, ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE CSTO MEMBER STATES

Annotation. *The issues of criminal liability of combatants are becoming particularly important in the context of the military-political integration of the member States of the Collective Security Treaty Organization. The relevance of the research is due to their formation of a unified legal space. The problem lies, among other things, in the absence of uniform standards for punishing war crimes in the sanctions of the relevant norms of the criminal laws of the six States, which, while implementing the norms of international humanitarian law, demonstrate significant imbalances, which violates the principle of justice and creates risks of artificially changing jurisdiction in determining jurisdiction. The authors introduce into circulation a verified data set on sanctions for war crimes of combatants provided for by the criminal codes of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Armenia, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan, and also come to the conclusion that it is advisable to apply a combined (mixed) model of harmonization of the criminal legislation of the CSTO member states.*

Key words: *CSTO, combatant, war crimes, sanction of the norm, harmonization, criminal law.*

Оправной точкой для сравнительного анализа исследуемых санкций служит определение круга лиц, подпадающих под понятие «комбатант». По справедливому мнению З.М. Маккашарипова и М.Н. Алиевой, в уголовных кодексах государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) легальная дефиниция комбатанта отсутствует, что вынуждает исследователя обращаться к телеологическому и систематическому толкованию, где субъектом военных преступлений выступает лицо, непосредственно участвующее в боевых действиях в составе вооруженных сил либо приравненных к ним формирований и нарушающее запреты, установленные международным гуманитарным правом [6]. Руководствуясь названным доктринальным положением, полагаем возможным определить первый критерий отбора составов преступлений, включаемых в сравнительное исследование: деяние должно имплементировать нормы Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных протоколов к ним [2] либо иных международных договоров, ратифицированных соответствующим государством. Второй критерий вытекает из концепции дуализма международного и внутригосударственного уголовного права. Как отмечал С.А. Лобанов, возможность уголовного преследования и наказания лиц, совершивших военные преступления, существует в рамках международной и национальной уголовной юрисдикции. При этом в целом национальная уголовная юрисдикция выглядит основным вариантом конкретизации и реализации уголовной ответственности [4]. В этой связи национальные составы рассматриваемых преступлений могут

как полностью воспроизводить международные запреты, так и адаптировать их с учетом особенностей правовой системы страны.

Третий критерий связан с субъектной характеристикой. Так, И.И. Лукашук и А.В. Наумов, разрабатывая базовую теорию объекта военных преступлений, подчеркивали, что деяния, посягающие на регламентированный международным гуманитарным правом порядок ведения войны, могут совершаться как специальным субъектом (военнослужащим либо иным комбатантом), так и общим субъектом, но обязательно в условиях вооруженного конфликта и в связи с ним [5]. Воспринятая такая позиция позволяет нам включить в выборку не только составы преступлений с прямым указанием на специальный субъект, но и составы, объективная сторона которых заведомо нереализуема вне контекста вооруженного противостояния. В этой связи нами в сравнительную выборку включены: нормы уголовных законов государств-членов ОДКБ об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны (генеральная норма об ответственности комбатантов), а также нормы, устанавливающие уголовную ответственность наемнику (антиподу комбатанта, включение которого, по нашему мнению, необходимо для демонстрации полноты уголовно-правовой охраны).

Проведенный анализ уголовных кодексов Российской Федерации (далее – УК РФ) [16], Республики Беларусь (далее – УК РБ) [13], Республики Армения (далее – УК РА) [12], Республики Казахстан (далее – УК РК) [14], Кыргызской Республики (далее – УК КР) [11] и Республики Таджикистан (далее – УК РТ) [15] по состоянию на 2025–2026 гг. позволяет сформулировать ряд принципов

альных выводов относительно состояния и диспропорций рассматриваемых уголовно-правовых санкций. Так, по результатам исследования в различных национальных юрисдикциях уголовно-правовых составов наемничества выявлен значительный разброс минимальных и максимальных пределов назначения такого уголовного наказания как лишение свободы. Так, за непосредственное участие наемника в вооруженном конфликте минимальное наказание варьируется от 3 лет лишения свободы (ст. 133 УК РБ) до 12 лет лишения свободы (ч. 3 ст. 401 УК РТ, ч. 2 ст. 416 УК КР). В правовых нормах уголовных законов, устанавливающих ответственность за наемничество, санкция определена по-разному: к примеру В Российской Федерации – в виде лишения свободы на срок от 7 до 15 лет (ч. 3 ст. 359 УК РФ); в Республике Казахстан – от 7 до 10 лет (ч. 3 ст. 170 УК РК); в Республике Армения – от 6 до 12 лет (ч. 1 ст. 146 УК РА). Разрыв в нижнем пределе анализируемых санкций достигает 9 лет, что при сопоставимых признаках состава преступления не может быть объяснено различиями в объективной стороне или степени общественной опасности. Так, А.Г. Кибальник, исследуя проблемы имплементации международного уголовного права, обоснованно указывал, что подобные расхождения при идентичности международных правовых обязательств свидетельствуют не о суверенной дискреции, а о разрыве в оценке типовой степени общественной опасности деяния [3], что недопустимо в рамках одного военно-политического блока.

Еще более контрастны различия в санкциях за деяния организаторов и пособников наемничества (вербовка, обучение, финансирование). Наиболее строгая ответственность установлена в УК РФ: от 12 до 18 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 359 УК РФ), наиболее мягкая – в УК РТ: от 5 до 12 лет (ч. 1 ст. 401 УК РТ) и в УК КР: от 7 до 10 лет (ч. 1 ст. 416 УК КР). При этом УК РБ, УК РК и УК КР дифференцируют ответственность организаторов и исполнителей, тогда как УК РТ и УК РА устанавливают сопоставимые либо идентичные санкции для тех и других.

Не менее существенные различия обнаруживаются при анализе состава преступления – применение запрещенных средств и методов ведения войны. Российская Федерация (ст. 356 УК РФ) избрала путь максимально лаконичного описания. Так норма ч. 1 ст. 356 УК РФ охватывает пять разнородных деяний (жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением, депортация, разграбление, применение запрещенных средств, применение запрещенных методов) с единой санкцией – лишение свободы на срок до 20 лет при отсутствии нижнего предела

наказания. Законодатель Республики Беларусь (ст. 135 УК РБ) дифференцирует ответственность в три уровня: по ч. 1 – от 3 до 7 лет лишения свободы (альтернативно ограничение свободы от 3 до 5 лет); по ч. 2 – от 5 до 15 лет лишения свободы; по ч. 3 – от 8 до 25 лет лишения свободы, либо пожизненное заключение, либо смертная казнь. Республика Армения демонстрирует противоположный полюс законодательной техники: ст. ст. 140–143 УК РА представляют собой казуистичную имплементацию Дополнительного протокола I и Римского статута [8]: криминализованы обречение на голод, отдача приказа «никого не оставлять в живых», использование «живого щита»; применение ядов, газов, разрывных пуль с наказанием от 5 до 8 лет лишения свободы либо пожизненное лишение свободы. Республика Казахстан устанавливает самые высокие минимальные пороги наказания в виде лишения свободы: по ч. 1 ст. 163 УК РК – от 10 до 15 лет; по ч. 2 ст. 163 УК РК – от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы. Республика Таджикистан не имеет генерального состава применения запрещенных средств и методов ведения войны, поскольку норма ст. 397 УК РТ криминализует лишь оборот оружия массового поражения (от 12 до 20 лет лишения свободы).

Наиболее проблемным с точки зрения законодательной техники и соответствия принципу справедливости представляется подход, реализованный в ст. 356 УК РФ. Отсутствие нижнего предела санкции (лишение свободы на срок до 20 лет) вступает в противоречие с категоризацией данного преступления как особо тяжкого (см. содержание нормы ч. 5 ст. 15 УК РФ). Формально такое решение российского законодателя позволяет суду назначить наказание, не соответствующее тяжести деяния, вплоть до минимальных сроков, что нивелирует императив неотвратимости строгой ответственности за нарушение законов и обычаев войны. Полагаем, что в правоприменительной практике подобная конструкция может создавать риск судебного усмотрения, поскольку единственным ориентиром остается верхний предел наказания в 20 лет лишения свободы. Противоположный подход демонстрирует норма ч. 1 ст. 163 УК РК, где установлен нижний порог наказания в 10 лет лишения свободы, что жестко детерминирует минимальную меру уголовной репрессии.

Анализ дополнительных наказаний также свидетельствует об отсутствии сформированной единой системы. Так, конфискация имущества за военные преступления и наемничество предусмотрена в УК РК (ст.ст. 170, 406 УК РК) и УК РТ (ч. 2 ст. 401 УК РТ), факультативно – в УК РБ (ст. 133 УК

РФ). В УК РФ, УК РА и УК КР конфискация как санкция за совершение рассматриваемых преступлений отсутствует вовсе. В свою очередь, лишение гражданства как мера уголовно-правового характера – эксклюзивная особенность УК РК: ч. 2 и ч. 4 ст. 170, ч. 1-2 ст. 163 УК РК допускают возможность применения лишения гражданства. Ни одно иное государство-член ОДКБ не предусматривает подобного наказания. Штраф и ограничение свободы – специфика только норм УК РФ (ст. 359 УК РФ), поскольку санкции норм уголовных законов других рассматриваемых государств такие виды наказаний за военные преступления не устанавливают.

Сопоставление санкций за наемничество и военные преступления позволяет выявить оценку соотношения общественной опасности этих деяний в различных национальных правовых системах. Так, если в УК РФ и УК РК максимальные наказания за эти преступления практически уравнены (предусмотрено пожизненное лишение свободы либо лишение свободы на срок до 20 лет), то в УК РБ и УК РА военные преступления оцениваются как несопоставимо более тяжкие, что выражается в наличии пожизненного заключения, а в случае УК РБ – и смертной казни. Такая рассогласованность законодательных оценок создает дополнительные препятствия для гармонизации уголовного законодательства в рамках взаимодействия государств-членов ОДКБ. Впрочем, как обоснованно, по-нашему мнению, указывает П.В. Тепляшин, подобный плюрализм уголовно-правовых положений во многом объективен, поскольку отражает особенности социально-экономического и культурного развития каждой рассматриваемой страны [10].

Выявленные различия в санкциях норм, устанавливающих уголовную ответственность за военные преступления комбатантов, по-нашему мнению, требуют перехода к их оценке сквозь призму фундаментальных начал уголовного права. Ключевое значение здесь приобретает принцип справедливости. Так, исследуя категорию справедливости в современном уголовном праве, Ф.Ф. Мамедова пришел к выводу, что правовое содержание принципа справедливости раскрывается в совокупности следующих требований: справедливость криминализации деяний, справедливость привлечения к уголовной ответственности, справедливость дифференциации ответственности, справедливость назначения и реализации наказания и других мер уголовно-правового характера. Исследователь также подчеркивал, что установленные в законе критерии назначения справедливого наказания (соответствие наказания характеру и степени общественной опасности престу-

пления, обстоятельствам его совершения и личности виновного) выступают в качестве определенной гарантии соблюдения прав виновных и потерпевших [7].

Для перевода выявленных различий из плоскости «правового многообразия» в плоскость «юридической порочности» полагаем целесообразным применить следующие критерии оценки. Первый – наличие или отсутствие нижнего предела такого вида наказания как лишение свободы на определенный срок. Так, отсутствие минимального порога (как в ч. 1 ст. 356 УК РФ) создает риск неоправданно мягкого наказания при отсутствии отягчающих обстоятельств, тогда как наличие высокого нижнего предела (как в ч. 1 ст. 163 УК РК – 10 лет лишения свободы) императивно ориентирует суд на строгую репрессию. Второй критерий – разрыв между минимумом и максимумом («вилка» наказания). Широкая «вилка» в санкциях (в частности, в УК РФ – до 20 лет лишения свободы) предоставляет суду чрезмерную свободу усмотрения, что при отсутствии единых стандартов правоприменения может привести к судебной дискреции. Третий критерий – наличие альтернативных санкций. Возможность замены лишения свободы ограничением свободы (как в норме ч. 1 ст. 135 УК РБ) либо штрафом (как в норме ст. 359 УК РФ) создает дополнительные риски неравенства. Четвертый критерий – возможность назначения пожизненного лишения свободы. По нашему мнению, наличие или отсутствие пожизненного заключения за военные преступления (есть в РК, РА, РБ; отсутствует в УК РФ и УК РТ) создает критический разрыв в оценке тяжести деяния.

Возможность применения указанных критериев к полученным данным позволяет сформировать следующие подходы в части установления нарушений принципа справедливости. Во-первых, зафиксирован разрыв в нижнем пределе санкции за участие наемника в вооруженном конфликте, достигающий 9 лет (к примеру, от 3 лет в УК РБ до 12 лет в УК РТ и УК КР). Если лицо, совершившее наемничество, будет передано для уголовного преследования, в частности из Беларуси в Таджикистан (либо наоборот), оно столкнется с непредсказуемостью правовых последствий, когда срок лишения свободы детерминирован не тяжестью содеянного, а местом рассмотрения дела. Во-вторых, по основному составу (применение запрещенных средств и методов ведения войны) ситуация еще более критична. В частности, ст. 356 УК РФ вообще не устанавливает нижнего предела. В ст. 135 УК РБ установлен нижний порог в 3 года лишения свободы (с альтернативой - ограничением свободы). В ст. 163 УК РК – нижний порог наказания определен в 10 лет лишения свободы.

УК РТ вообще не содержит данного состава, что означает декриминализацию жестокого обращения с военнопленными, депортации и разграбления на национальном уровне. Такая ситуация подрывает саму идею единого правового пространства ОДКБ: военнослужащие контингентов, направленные для выполнения коллективных задач, оказываются в неравном положении в зависимости от того, по уголовному закону какого государства квалифицируются их действия.

Принятое в 2021 г. и вступившее в силу в марте 2023 г. Соглашение по вопросам юрисдикции и оказания правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием формирований сил и средств системы коллективной безопасности, призвано урегулировать порядок привлечения к ответственности военнослужащих при выполнении задач ОДКБ [9]. Документ определяет, суд какого государства (направляющего или принимающего) рассматривает дело, закрепляет механизм создания совместных следственно-оперативных групп, взаимного признания доказательств. Однако, как справедливо отмечалось специалистами еще при ратификации Соглашения, оно регулирует процессуальные и юрисдикционные вопросы, но не унифицирует материальные нормы об ответственности комбатантов. В результате возникает коллизия: порядок определения подсудственности урегулирован, а единая размер наказаний отсутствует. Это создает предпосылки для негативного явления, известного в международной правовой практике как выбор наиболее благоприятной юрисдикции. Применительно к уголовному преследованию комбатантов – военнослужащих ОДКБ риск выбора наиболее благоприятной юрисдикции может проявляться в том, что сторона обвинения может быть заинтересована в рассмотрении дела в государстве с более мягкими либо, напротив, с более строгими санкциями.

Выявленные системные диспропорции и нарушение принципа справедливости в санкциях национальных уголовных законов, устанавливающих ответственность за военные преступления комбатантов, актуализируют поиск оптимальных путей гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ. Отметим, что эта работа находится не только в теоретической, но и в практической плоскости. Так, 23.10.2024 Экспертно-консультативный совет при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ рассматривал проект Рекомендаций по гармонизации уголовного законодательства государств – членов ОДКБ, устанавливающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества (военные преступления в контексте исследования – прим. авторов), определив, что высказанные в ходе

заседания замечания и предложения будут учтены в дальнейшей работе над этими документами [17].

В свою очередь, анализируя доктрину международного уголовного права и теорию законодательства, можно выделить два основных подхода, которые могут быть применены для унификации санкций в рамках ОДКБ. Так, первая модель – унификация верхних пределов наказания. Ее суть заключается в установлении единого максимального срока лишения свободы за тождественные составы военных преступлений, к примеру, на уровне двадцати лет либо пожизненного лишения свободы. Основное преимущество данного подхода состоит в том, что он не требует кардинального пересмотра всей системы наказаний государств – членов ОДКБ и оставляет значительную свободу судебного усмотрения в рамках установленного максимума. Однако ключевой недостаток этой модели – она сохраняет существующий разрыв в нижних пределах наказания, что не устраняет главную проблему неравенства наказания. Вторая модель – унификация нижних пределов наказания. Данная модель предлагает установление единого минимального порога, например, не ниже 5 или 8 лет лишения свободы за военные преступления. Ее безусловным плюсом является реализация принципа неотвратимости и строгости наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, посягающие на международный правопорядок. Вместе с тем сложность реализации этой модели заключается в необходимости согласования с национальными системами наказаний, где минимальные пороги исторически сложились по-разному, и может повлечь за собой ужесточение санкций в странах с более либеральным подходом.

Анализ достоинств и недостатков обеих моделей приводит к выводу, что, по-нашему мнению, ни одна из них в чистом виде не является оптимальной для ОДКБ. Наиболее эффективной представляется комбинированная (смешанная) модель гармонизации. Она предполагает одновременное решение двух задач: во-первых, унификацию верхних пределов наказания как маркера принадлежности этих деяний к категории тяжчайших преступлений (по критерию возможности назначения в виде наказания пожизненного лишения свободы либо лет лишения свободы на срок 20 лет); во-вторых, согласование минимальных порогов наказания на едином уровне (к примеру, от 5 до 7 лет лишения свободы за основной состав военных преступлений). Такой подход позволит, с одной стороны, сохранить необходимую степень судебного усмотрения в рамках установленной «вилки», а с другой – гарантировать, что наказание за военные преступления во всех

государствах - членах ОДКБ будет не только потенциально строгим, но и реально неотвратимым и соразмерным.

Выбор модели напрямую связан с инструментарием гармонизации. В теории различают понятия «сближение», «гармонизация» и «унификация». Эти термины не являются синонимами [1]. Применительно к санкциям норм, устанавливающих уголовную ответственность за военные преступления, по-нашему мнению, речь должна идти именно об унификации – принятии государствами-членами ОДКБ единой (модельной) нормы, а не о простом сближении или гармонизации, допускающих значительные вариации. Именно унификация способна обеспечить тот уровень единообразия, который требуется для подлинного равенства всех перед законом в рамках одного военно-политического блока.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие выводы. Во-первых, санкции норм уголовных законов государств – членов ОДКБ, устанавливающих уголовную ответственность за военные преступления комбатантов, демонстрируют не просто различия, обусловленные национальными традициями, а существенные диспропорции, которые варьируются от полного отсутствия нижних пределов наказания до установления пожизненного лишения свободы, а в некоторых случаях – наличия пробелов в криминализации деяний, признанных международным правом в качестве тяжчайших преступлений. Существование такой ситуации ставит под сомнение само понятие единого правового пространства государств – членов ОДКБ. Во-вторых, выявленные различия напрямую нарушают принцип справедливости (к примеру, ст. 6 УК РФ), создавая неравенство правовых последствий для военнослужащих объединенных сил, совершивших тождественные по степени общественной опасности деяния. При этом принятое в 2023 г. Соглашение ОДКБ по вопросам юрисдикции, урегулировав процессуальные аспекты, не разрешило материально-правовые коллизии, что формирует объективно существующий риск искусственного перемещения подсудственности в государство с наиболее мягкими санкциями. В-третьих, начатая Парламентской Ассамблеей ОДКБ в 2024 г. работа над проектом Рекомендаций по гармонизации уголовного законодательства создает уникальную возможность для устранения этих диспропорций. В-четвертых, в качестве оптимального решения для государств – членов ОДКБ видится комбинированная модель унификации санкций, сочетающая установление единых верхних пределов (к примеру, пожизненное лишение свободы либо лишения свободы на срок 20 лет) как маркера особой тяжести деяния и

согласование минимальных порогов на уровне 5-7 лет лишения свободы как гарантии неотвратимости и соразмерности наказания. Такая модель требует именно унификации (принятия единой нормы), а не простого сближения законодательств. В-пятых, дальнейшие исследования в рассматриваемой области, полагаем, могут быть направлены на анализ складывающейся судебной практики применения санкций норм уголовных законов государств-членов ОДКБ, устанавливающей ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, а также на мониторинг имплементации будущих рекомендаций Парламентской Ассамблеи ОДКБ в национальные уголовные кодексы рассмотренных стран.

Список литературы:

- [1] Артамонова Г.К., Рыбкина М.В., Муталиева Л.С., Иванов К.М. Гармонизация законодательств государств как способ сближения норм права, регулирующих схожие общественные отношения // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2016. № 3. С. 96-101.
- [2] Женевские конвенции и протоколы к ним. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/russian/humanitarian/law/geneva.shtml?ysclid=mlm7awlium278269747> (дата обращения: 14.02.2026).
- [3] Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А.В. Наумова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 383 с.
- [4] Лобанов С.А. Военные преступления в международном и внутригосударственном праве // Образование и право. 2017. № 10. С. 166-182.
- [5] Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учебник для юридических факультетов и вузов / Российская академия наук, Институт государства и права, Академический правовой университет. Москва: Спарк, 1999. 286 с.
- [6] Маккашарипов З.М., Алиева М.Н. Уголовная ответственность комбатантов за нарушение норм международного гуманитарного права // Закон и право. 2020. № 7. С. 169-171.
- [7] Мамедова Ф.Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 148-168.
- [8] Римский статут Международного уголовного суда: (принят в г. Риме 17.07.1998) // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12118701/?ysclid=mlm7m1eufh210289333> (дата обращения: 14.02.2026).

[9] Соглашение по вопросам юрисдикции и оказания правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием формирований сил и средств системы коллективной безопасности на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (Заключено в г. Душанбе 16.09.2021) (ратифицировано Федеральным законом от 28.05.2022 № 139-ФЗ, вступило в силу для Российской Федерации 24.03.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. 03.02.2025. № 0001202502030003. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502030003> (дата обращения: 14.02.2026).

[10] Тепляшин П.В. Уголовный закон государств-членов организации договора о коллективной безопасности: сравнительно-правовой анализ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 67-74.

[11] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127: принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 28.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065#pos=4003;42 (дата обращения: 12.02.2026).

[12] Уголовный кодекс Республики Армения от 27.05.2021 № ЗР-199 // Парламент Республики Армения: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus> (дата обращения: 12.02.2026).

[13] Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 02.06.1999: одобрен Советом Республики 24.06.1999 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Минск. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 12.02.2026).

[14] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗРК // ИС Параграф. – Астана. [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=7033;160 (дата обращения: 12.02.2026).

[15] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.12.2025 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 12.02.2026).

[16] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mlnn9jkbv5631382942 (дата обращения: 12.02.2026).

[17] Экспертно-консультативный совет при Совете ПА ОДКБ обсудил ключевые вопросы безопасности. [Электронный ресурс] URL: <https://paodkb.org/events/ekspertno-konsultativnyy-sovet-pri-sovete-pa-odkb-obsudil?ysclid=mlm3luw8x9115655151> (дата обращения: 14.02.2026).

References:

[1] Artamonova G.K., Rybkina M.V., Mutaliev L.S., Ivanov K.M. Harmonization of state legislation as a way to bring together the norms of law governing similar public relations//Bulletin of St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia. 2016. № 3. S. 96-101.

[2] Geneva Conventions and Protocols thereto. [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/rul/humanitarian/law/geneva.shtml?ysclid=mlm7awlium278269747> (дата обращения: 14.02.2026).

[3] Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. Crimes against the peace and security of mankind/under scientific. ed. A.V. Naumova. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 383 pp.

[4] Lobanov S.A. War crimes in international and domestic law//Education and law. 2017. № 10. S. 166-182.

[5] Lukashuk I.I., Naumov A.V. International criminal law: a textbook for law faculties and universities/Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, Academic Law University. Moscow: Spark, 1999. 286 pp.

[6] Makkasharipov Z.M., Aliyeva M.N. Criminal liability of combatants for violation of international humanitarian law//Law and law. 2020. № 7. S. 169-171.

[7] Mamedova F.F. Justice in criminal law: the current state of the matter//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 1. S. 148-168.

[8] Rome Statute of the International Criminal Court: (adopted in Rome 17.07.1998) //United Nations. [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/12118701/?ysclid=mlm7m1eufh210289333> (access date: 14.02.2026).

[9] Agreement on jurisdiction and legal assistance in cases related to the temporary stay of formations of forces and means of the collective security system in the territories of the member states of the Collective Security Treaty Organization (Concluded in Dushanbe 16.09.2021) (ratified by Federal Law of 28.05.2022 No. 139-FZ, entered into force for the Russian Federation 24.03.2023) //Official Internet portal of legal information. 03.02.2025. № 0001202502030003. [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502030003> (accessed on: 14.02.2026).

[10] Teplyashin P.V. Criminal Law of the Member States Collective Security Treaty Organization:

Comparative Legal Analysis//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (50). S. 67-74.

[11] Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 28.10.2021 No. 127: adopted by the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic 28.10.2021. [Electronic resource]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065#pos=4003;-42 (accessed on: 12.02.2026).

[12] Criminal Code of the Republic of Armenia dated 27.05.2021 No. ZR-199//Parliament of the Republic of Armenia: official website. [Electronic resource]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus> (дата обращения: 12.02.2026).

[13] Criminal Code of the Republic of Belarus: adopted by the House of Representatives of the 02.06.1999: approved by the Council of the Republic of 24.06.1999 //National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. Minsk. [Electronic resource]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (accessed on: 12.02.2026)

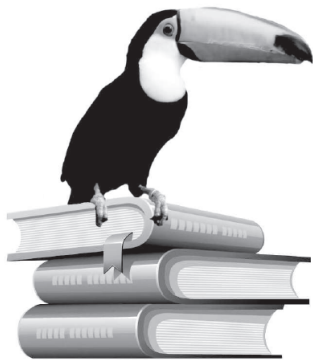
[14] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated 03.07.2014 No. 226-V SAM//IS Paragraph. - Astana. [Electronic resource]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=7033;160 (accessed on: 12.02.2026).

[15] Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated 21.05.1998 No. 574 (as amended as of 17.12.2025). [Electronic resource]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325 (access date: 12.02.2026).

[16] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 29.12.2025) (with amendments and additions, entry effective from 20.01.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mlnn9jkbv5631382942 (accessed on: 12.02.2026).

[17] The Expert Advisory Council under the CSTO PA Council discussed key security issues. [Электронный ресурс] URL: <https://paodkb.org/events/ekspertno-konsultativnyy-sovet-pri-sovete-pa-odkb-obsudit/?ysclid=mlm3luw8x9115655151> (дата обращения: 14.02.2026).





Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru